

© 2013 г.

Алексей Кузнецов

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины

(e-mail: kuznetsov0572@mail.ru)

ЭКСПАНСИОНИЗМ КНР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается цивилизационная специфика Китая в контексте проблемы глобального экономического лидерства. Анализируются исторические предпосылки и современные особенности интеграции Китая в мировую экономику. Обосновывается гипотеза о сохранении за Китаем подчиненной и зависимой роли в реализации стратегии ресурсного обеспечения инновационного развития стран «золотого миллиарда».

Ключевые слова: история «открытия» и интеграции Китая в мировую экономику, системные диспропорции глобального лидерства Китая, инновационное развитие, прямые иностранные инвестиции, китайская цивилизационная модель.

Роль Китая в процессах глобализации еще не определилась. При сохранении нынешних опережающих темпов экономического роста в течение следующего десятилетия Китай станет крупнейшей экономикой мира. Но повлечет ли за собой смена экономического лидера также соответствующую трансформацию господствующей в мире парадигмы ценностей по образцу китайской модели общественного развития? Такая перспектива маловероятна. Гораздо вероятнее, что Китай станет доминировать по объему ВВП, но включится в функционирование западной модели. Данная гипотеза не лишена оснований, поскольку до сих пор Китай так и не представил альтернативной модели мирового развития. Нельзя исключать, что доминирующее влияние на глобальные социально-экономические процессы сохранится за ведущими странами Запада.

Сегодняшние достижения Китая в экономике, выдвижение этой страны на роль мирового экономического лидера преподносятся как нечто беспрецедентное. При этом часто без внимания остается тот факт, что на протяжении первых восемнадцати столетий после рождения Христа Китай был крупнейшей экономикой мира. По данным британского экономического историка Энгаса Мэддисона, в 1820 г. доля Китая в мировом ВВП составляла 32,9% (228,6 млрд долл.) против 1,8% (12,5 млрд долл.) доли США¹. Таким образом, в первой четверти XIX века условный валовой продукт Китая в 18,3 раза превышал условный валовой продукт

---

¹ При сравнении взяты международные доллары Гири-Хамиса 1990 г.

США. В то время как численность населения Китая в 1820 г. в 38,2 раза превышала численность населения США, доход на душу населения в Китае всего в 2,1 раза был меньше американского (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение мировой значимости Китая и США в 1820–2003 гг.

Год	1820	1870	1913	1950	1973	2003
Доли в мировом ВВП, % к общемировому ВВП						
США	1,8	8,9	18,9	27,3	22,1	20,6
Китай	32,9	17,1	8,8	4,6	4,6	15,1
ВВП на душу населения, международные доллары ГИРИ-ХАМИСА 1990 г.						
США	1257	2455	5301	9561	16689	29037
Китай	600	530	552	448	838	4803
Доли в общей численности населения мира, %						
США	1,0	3,2	5,4	6,0	5,4	4,6
Китай	36,6	28,1	24,4	21,7	22,5	20,5

Источник: Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 564-565, 568-569, 574-577.

В период Великих географических открытий Китай придерживался политики изоляционизма, оставаясь преимущественно закрытой экономикой для остального мира и проявляя одинаковую безучастность как к межконтинентальным колониальным компаниям, так и к установлению торговых отношений с западными метрополиями.

Колонизация Китая западными метрополиями началась после проигрыша Англии в опиумных войнах и подписания неравноправных договоров. В соответствии с ними Китай открыл для иностранной торговли свои основные морские и речные порты, распространил на иностранцев и их товары принцип экстерриториальности и режим наибольшего благоприятствования, допустил в страну христианских миссионеров, а также разрешил вывоз за границу чернорабочих-кули для их использования в качестве рабочей силы в колониях империалистических держав.

Последствиями подписания Китаем неравноправных договоров стало разорение домашней промышленности, упадок ремесел, возрастающая зависимость сельского хозяйства от мирового рынка, пролетаризация местного населения.

По мере окончательного превращения Китая в полуколониальную периферию Запада экспорт капитала становился главным инструментом ограбления и подчинения страны империалистическими державами. К концу 1914 г. иностранные инвестиции увеличились по сравнению с 1900 г. с 750 млн до 1650 млн долл., внешний долг Китая достиг огромной суммы – 835 млн долл. Из них почти 58% приходилось на «боксерскую» кон-

трибунцию и займы на покрытие контрибуции за поражение в японо-китайской войне 1894–1895 гг.¹

Российские исследователи А. Селищев и Н. Селищев пишут: «До народно-освободительной революции 1949 г. иностранный капитал контролировал все ключевые звенья китайской экономики. В 1936 г. общие капиталовложения иностранных предприятий в Китае составили 4,3 млрд долл., или 41% всех инвестиций в промышленность. Иностранный бизнес контролировал 80% производства чугуна, 76% электроэнергии, 64% производства хлопка и хлопчатобумажной продукции, 57% табачной промышленности, 69,5% водных перевозок и 90% железнодорожных путей. В Китае действовало 32 иностранных банка, которые обладали монопольной властью в банковском секторе»². К началу Первой мировой войны доля Поднебесной империи в мировом ВВП сократилась до 8,8%, тогда как доля США увеличилась до 18,9%. В 1950 г. уровень доходов на душу населения в Китае был в 15 раз ниже, чем в США, и в 4 раза ниже, чем в СССР.

После установления в Китае народно-демократического строя капиталистические государства во главе с США ввели запрет на экспорт в Китай машин, станков и промышленного оборудования в надежде вынудить КНР пойти на политическое отступление. Зависимость Китая от капиталистического лагеря была преодолена при помощи СССР. В соответствии с соглашением от 1950 г. советское правительство предоставило КНР кредит сроком на пять лет в сумме 300 млн долл. на исключительно льготных условиях – 1% годовых. В счет этого кредита СССР поставлял в Китай оборудование для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, оборудование шахт для добычи угля и руд, железнодорожное и транспортное оборудование и другие материалы³.

В основу экономического развития КНР была положена модель советской индустриализации и сталинских пятилеток. СССР передал КНР технологии по производству танков, турбин, тепловозов и тракторов, а также технологии животноводства, свекловодства и производства сахара. В стране было построено значительное количество промышленных предприятий и создан ряд новых отраслей: судостроение, авиастроение, локомотивостроение. Китай освоил технологию производства грузовых автомобилей, превратился в экспортера текстильных станков, быстрыми тем-

¹ Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века; Ин-т востоковедения. М. Вост. лит., 2005. С. 514.

² Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004. С.63.

³ Ефимов Г. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Главное издательство политической литературы, 1951. С. 520.

пами развивалась электроника и атомная энергетика, строительство железных и автодорог. Также значительно увеличилось число морских судов, авиалиний и аэропортов. В Китае открылись десятки новых институтов и университетов.

Первый председатель ЦК Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун стремился опередить Советский Союз на пути «построения коммунизма». В рамках общей социалистической трансформации до 1956 г. 99% частных предприятий Китая перешли в государственную собственность¹. Однако политика маоизма, или «большого скачка» была обречена на провал из-за невозможности в столь сжатые сроки создать экономическую базу, необходимую для реализации поставленных целей. К концу первой пятилетки взятая на вооружение экономическая модель стала демонстрировать свою возрастающую неэффективность. Во время второй и третьей пятилеток усиливались диспропорции между накоплением и потреблением, между промышленностью и сельским хозяйством, темпы производства были неустойчивыми. Четвертая пятилетка была полностью провалена.

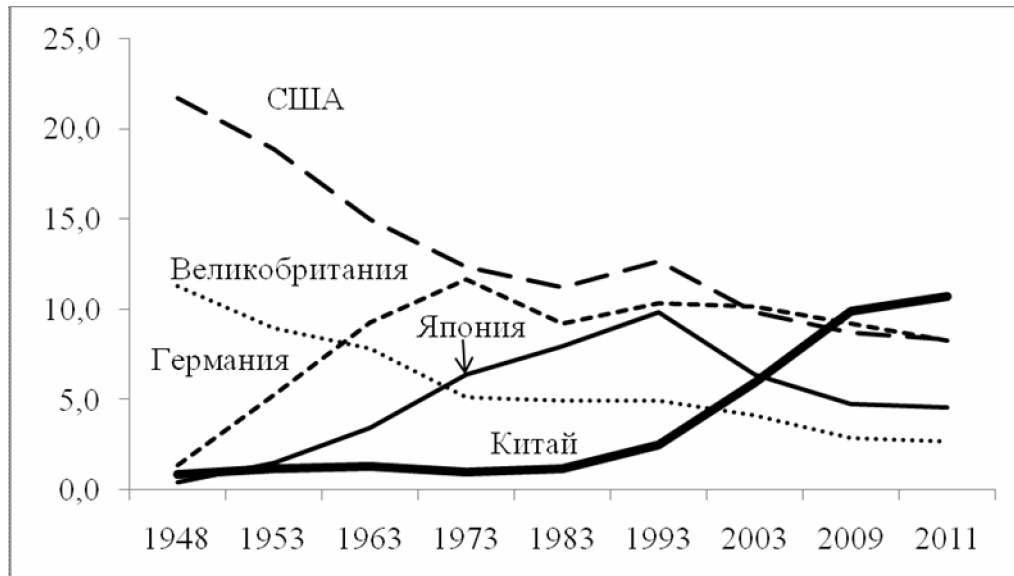
С началом либеральных реформ в 1978 г. Китай вступил на путь устойчивого экономического роста. Произошло резкое сокращение ассигнований на содержание армии и военной промышленности, полномочия государственных органов были ограничены, ликвидация китайских колхозов вместе с передачей земли крестьянам привела к резкому росту производства продовольствия.

Место Китая в глобализации. Стратегия развития экспортного сектора вывела Китай на передовые позиции в мире. По данным ВТО, в период 1948–2011 гг. доля Китая в международной торговле в целом выросла с 0,9% до 10,7% (рис. 1).

В 2011 г. на КНР приходилось 32,2% мировой торговли текстильной продукцией против 26,1% всего Евросоюза. В 2011 г. Китай занимал первое место в мире по экспорту металлургической продукции (55 млрд долл.), офисного и телекоммуникационного оборудования (497 млрд долл.), второе после США по экспорту химической продукции (115 млрд долл.) и второе после Сингапура по экспорту микросхем и электронных компонентов (70 млрд долл.). В 2008 г. за счет почти триллионного долларового прироста национального продукта Китай выдвинулся на 3-е место в мире по размеру номинального ВВП, рассчитанного в рыночных ценах, потеснив Германию, а в 2010 г. по этому показателю Китай обошел и Японию.

---

¹ Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004. С.78.

Рис. 1. Доля отдельных стран в мировом товарном экспорте, %

Составлено по данным: International Trade Statistics 2012 / World Trade Organization. – Geneva, 2012. – P. 24.

Однако интеграция Китая в мировую экономику пока не дала ожидаемого эффекта повышения благосостояния нации. Несмотря на чрезвычайный прирост ВВП, непрерывно продолжающийся в течение последних трех десятилетий, доходы на душу населения в Китае все еще составляют лишь десятую часть от аналогичного показателя США (5,417 долл. против 48,328 долл. в 2011 г.). Характерно, что размер заработной платы работника, занятого в промышленном секторе Китая, соответствует только 3,8% заработка американского рабочего.

Еще одной диспропорцией является последовательное снижение потребительских расходов в структуре китайского ВВП. Так, в период 1985–2009 гг. доля потребления в структуре использованного ВВП Китая снизилась с 66% до 48% ВВП, т.е. на 18%, а доля конечного потребления домохозяйств уменьшилась с 51,6% до 35,1% ВВП. Еще более резким является снижение доли потребления крестьян, представляющих основную массу населения страны, – с 30,9% до 8,4% ВВП¹.

Таким образом, экономический подъем в Китае пока не привел к тому выравниванию доходов между англосаксонской и китайской цивилизациями, который имел место двести лет назад, послужив однако причи-

¹ Гельбрас В. Г. Россия и Китай в условиях глобального кризиса. Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 64.

ной серьезной социальной поляризации общества: в 2011 г. число долларовых миллионеров в Китае возросло до 1,2 млн человек¹.

Однако не только рост ВВП и доля в мировой торговле определяют вес страны в условиях глобализации, но и количество подконтрольных ее юрисдикции ТНК, осуществляющих свою деятельность на рынках других стран. Следует отметить, что по такому показателю как транснационализация активов Китай значительно уступает как США, так и другим развитым странам мира. В рейтинге ЮНКТАД 2011 года 100 крупнейших нефинансовых ТНК по размеру зарубежных активов находилась лишь одна китайская компания «СІТІС», занимающая 53 позицию против 21 североамериканской и 16 британских компаний².

Такое слабое присутствие Китая – крупнейшего мирового экспортера – на рынках других стран связано с активной протекционистской политикой стран-лидеров глобализации. В 2005 г. китайская государственная энергетическая компания «China National Offshore Oil Corporation» (CNOOC) предприняла попытку купить американскую нефтяную компанию «Unocal». Однако, наткнувшись на жесткую оппозицию, инициированную американским конгрессом, китайская сторона была вынуждена отступить. Такая же участь постигла китайскую телекоммуникационную компанию «Huawei», которой было отказано в приобретении американских компаний «3Com», «2Wire» и подразделения мобильной телефонии компании «Motorola»³. В 2009 г. предложение крупнейшего китайского производителя алюминия компании «Chinalco» инвестировать в австралийско-британскую добывающую компанию «Rio Tinto» было отклонено на заключительном этапе сделки. В свою очередь, в 2010 г. британцы отказали китайской компании «China Petroleum & Chemical» («Sinopet») в покупке части акционерных активов британского нефтегазового концерна «British Petroleum», который нуждался в средствах для покрытия убытков, вызванных огромными затратами компании в связи с ликвидацией последствий аварии в Мексиканском заливе⁴.

Стоит отметить, что наряду с Австралией США выступают крупнейшей страной-реципиентом китайских прямых инвестиций, однако

---

¹ Neate R. China and India swell ranks of millionaires in global rich list. The Guardian. 31 May, 2012. (<http://www.guardian.co.uk>).

² World Investment Report 2012: Towards a New Generation of Investment Policies. UNCTAD. N. Y., Geneva, 2012. Web table 28 (<http://unctad.org>).

³ Szamosszegi A., Kyle C. An Analysis of State-owned Enterprises and State Capitalism in China. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Washington, October 26, 2011. P. 87.

⁴ Хазин М.Л. Англосаксы поделили мир на своих и чужих. KMnews. 02.08.2010. (<http://news.km.ru>).

большинство инвестиций в США являются пассивными, осуществленными Китайской инвестиционной корпорацией в американские финансовые активы. Совокупный же размер китайских прямых инвестиций в США по состоянию на май 2012 г. составлял чуть больше 50 млрд долл., что соответствовало лишь 1,8% от общего объема накопленных прямых иностранных инвестиций в США¹.

Как «мастерская мира» Китай испытывает острую потребность в природных ресурсах. На Китай приходится свыше 45% потребляемого в мире алюминия, железа и меди, около 60% цемента². Поэтому основные инвестиции Китая направляются в богатые ресурсами страны Азии, Африки и Латинской Америки. Китай активно инвестирует в приобретение больших сельскохозяйственных площадей в Африке и Латинской Америке. Однако сбыт китайской аграрной продукции на внешних рынках в случае усиления протекционистских настроений будет осложнен. Например, европейские страны намерены и дальше поддерживать высокие импортные тарифы в рамках Единой сельскохозяйственной политики ЕС. В то же время примечательно, что во время кризиса Китай (наряду с другими азиатскими странами) активно инвестировал в британскую элитную недвижимость – в 2010 г. на граждан Китая приходилась каждая десятая сделка по покупке недвижимости в центральном Лондоне, где «скромные» квартиры стоят в среднем более 1 миллиона фунтов стерлингов³.

Международная экспансия китайских ТНК наталкивается на протекционистскую политику развитых стран Запада, которые усматривают в проникновении китайских корпораций на свои внутренние рынки угрозу подрыва конкурентоспособности национальных производителей. При этом сам Китай является объектом активного инвестирования со стороны западных корпораций. Так, только в период 2000–2003 гг. европейские, японские и американские корпорации построили в Китае 60000 заводов⁴. В 2010 г. на предприятия с иностранными инвестициями приходилось 55% экспорта и 68% положительного сальдо торгового баланса Китая⁵.

---

¹ China's overseas investment: ODI-lay hee-ho. The Economist. 19 January, 2013. (<http://www.economist.com>).

² Hanemann T., Rosen D. H. China Invests in Europe: Patterns, Impacts and Policy Implications. Rhodium Group. N. Y., June 2012. P. 23.

³ Китайцы обогнали всех иностранцев в гонке за лондонской недвижимостью. Newsru.com. (<http://realty.newsru.com>).

⁴ Palmisano S. J. The Globally Integrated Enterprise. Foreign Affairs. 2006. Vol. 85. No. 3. P. 127–136.

⁵ 2011 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Washington, 2011. P. 1.

Подобная политика открытости Китая до сих пор была обусловлена существенной зависимостью производственного потенциала Китая от инновационных достижений западной цивилизации. Именно инновационные продукты Запада Китай тиражирует по всему миру. Ведь все революционные изобретения Китая – шелк, бумага, компас, порох, сейсмограф, фарфор, книгопечатание – в далеком прошлом. В качестве компенсации за использование патентов и авторских прав Китай ежегодно выплачивает американским компаниям свыше 3 млрд долл.¹ Кроме этого, китайцы активно участвуют в развитии инновационной сферы американской экономики. По данным британского издания «The Economist», доля иммигрантов с ученой степенью доктора философии в общем числе ученых и инженеров, работающих в американских университетах и лабораториях, составляет 47%. Ученым китайского и индийского происхождения принадлежит 13,9% американских патентов. Около 40% патентов, зарегистрированных в 2005 г. американским производителем микропроцессоров, компанией «Intel», приходилось на мигрантов из Китая или Индии².

Американский социолог Ф. Фукуяма пишет: «Китайский уровень технического развития в 1500 году был выше, чем преобладавший тогда в Европе. Однако Китай так и не приобрел того, что впоследствии приобрела Европа, – научный метод, позволивший поступательно завоевывать природу посредством эмпирического наблюдения и эксперимента»³.

Осознавая данную проблему, в последние годы китайское руководство акцентировало внимание реального сектора на приоритетности развития инновационной политики. Доля расходов на НИОКР в китайском ВВП в 2008 г. составила 1,47%, увеличившись по сравнению с 2000 г. почти в два раза. Китай занял первое место в мире по числу научно-технических сотрудников, работающих в сфере НИОКР – 51 млн чел.⁴. Благодаря программе государственных субсидий для предприятий, подающих заявки на патенты, в 2011 г. Китай вышел на первое место в мире по количеству поданных заявок. Тем не менее, увеличение количества патентов пока не находит адекватного практического выражения: в структуре мировых поступлений в виде роялти и лицензионных платежей в 2011 г. 38,4% приходится на США, 34,8% – на страны ЕС–27, а на Китай – лишь 0,3%.

¹ International Trade Statistics 2012. World Trade Organization. Geneva, 2012. P. 177.

² Give me your scientists. The Economist. March 5, 2009. (<http://www.economist.com>).

³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 567–568.

⁴ Насибов И. Научно-технический потенциал Китая: итоги и перспективы развития. Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10. С. 79–83.

Причина, в частности, заключается в том, что Китай не обладает в настоящее время эффективными инструментами защиты своих инноваций на международном уровне. Китаю нужны мощные транснациональные юридические компании, которые будут способны обеспечивать защиту прав интеллектуальной собственности. У китайцев таких компаний пока нет, а у англосаксов они есть. Ведь почти все пятьдесят крупнейших и влиятельнейших в мире юридических компаний зарегистрированы в Великобритании и США¹. Таким образом, на защите прав интеллектуальной собственности Запада стоят многотысячные легионы англосаксонских юристов, в конкуренции с которыми победить будет непросто, поскольку последние практически монополизировали международные рынки юридических услуг. Разумеется, этот вопрос нельзя трактовать упрощенно. Китай имеет возможность нанимать для защиты своих интересов иностранные компании. Но при наличии китайских компаний эта защита была бы эффективнее.

Интернационализация юаня. Существует еще одна причина, препятствующая выдвижению Китая на роль полноценного глобального лидера. В условиях финансовой глобализации возможности страны извлекать максимальные прибыли из своего производственного потенциала главным образом зависят от ее способности эмитировать резервную валюту, а также от того, в какой степени эта валюта используется другими государствами для обслуживания своих платежных обязательств. В данном контексте Китай проигрывает США, поскольку не спешит либерализовать свою валютную политику. Национальная валюта юань не только не принадлежит к резервной валюте, но до сих пор не имеет полной конвертируемости (конвертируемость только по счету текущих операций). Америко-китайские финансовые отношения продолжают формироваться в рамках жесткого контроля международного движения капиталов со стороны Китая и управления валютным курсом юаня.

Контроль за движением капиталов означает, что китайские экспортеры обязаны продавать всю свою валютную выручку специально уполномоченным государственным банкам в обмен на юани, что имеет последствием постоянное расширение денежного предложения. С целью сдерживания инфляционных процессов китайское правительство осуществляет эмиссию специальных облигаций, номинированных в юанях, с тем, чтобы изымать избыточную ликвидность. Для этого поддерживается низкая ставка банковского процента, поскольку ее повышение связано с необходимостью увеличения доходности правительственных облигаций для привлечения инвесторов к их покупке, что, в свою очередь, ведет к

---

¹ Legal Services. TheCityUK. London, February 2011. P. 6.

увеличению правительственных расходов и делает политику управления валютным курсом чрезмерно затратной.

Для поддержания заниженного курса юаня относительно доллара правительство инвестирует валютную выручку в иностранные ценные бумаги (преимущественно в казначейские облигации США). Именно поэтому размер официальных валютных резервов Китая является самым крупным в мире.

Вследствие проведения такой политики денежная масса Китая продолжает увеличиваться ускоренными темпами, несмотря на активные попытки ее стерилизации, что доставляет существенное беспокойство китайским властям. По данным американо-китайской комиссии конгресса США по вопросам экономики и безопасности, рост агрегированного показателя денежной массы M2 в Китае в период 2000–2010 гг. составил 434%, достигнув в долларовом эквиваленте 10 трлн долл., что приблизительно равняется показателю M2 в США. Вместе с тем, ВВП США вдвое превышает ВВП Китая. Следовательно, давление на внутренние цены в Китае значительно больше, чем в США¹.

Из вышесказанного вполне можно заключить, что создаваемая китайцами добавленная стоимость идет не столько на благо национального развития, сколько распределяется в пользу западных ТНК, которым принадлежит большая часть китайских заводов. Соответственно, размер ВВП Китая и рост его благосостояния являются далеко не тождественными понятиями.

Осознавая возрастающую инфляционную опасность от продолжения политики инвестирования китайской валютной выручки в долларские активы, китайские чиновники стимулируют международное использование юаня, поощряя китайских экспортеров и иностранные фирмы заключать контракты и проводить расчеты в юанях. К середине 2011 г. депозиты в юанях в Гонконге превысили сумму, эквивалентную 85 млрд долл.² В 2010 г. впервые было разрешено осуществление расчетов в юанях по международным транзакциям, а в 2011 г. объем внешнеторговых расчетов в юанях достиг 349 млрд долл., что составляло 9,5% всего внешнеторгового оборота Китая. В настоящее время юань принимается в качестве средства платежа в Монголии, Пакистане, Таиланде и Вьетнаме. Также Китай подписал достаточно символическое соглашение о проведении своп-операций с центральными банками 17 стран на общую сумму более

---

¹ 2011 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Washington, 2011. P. 28.

² Mallaby S. Wethington O. The future of the yuan: China's struggle to internationalize its currency. Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. No. 1. P. 136.

1,5 трлн юаней, включая Аргентину, Белоруссию, Казахстан, Индонезию, Малайзию, Южную Корею и Украину. Указанные страны получили возможность продавать юани местным компаниям, желающим закупать китайские товары и оплачивать их юанями¹. С целью стимулирования использования юаня во взаимной торговле в марте 2012 г. Китай инициировал также подписание меморандума о взаимопонимании с другими странами-членами БРИКС о предоставлении им двусторонних кредитов в юанях. В сделке участвуют Китайский банк развития, бразильский банк развития «BNDES», российский «Внешэкономбанк», Экспортно-импортный банк Индии и Банк развития Южной Африки.

Китайские власти выразили желание включить юань к 2015 году в корзину валют, определяющих стоимость Специальных прав заимствования (СПЗ), безналичного резервного актива, эмитируемого Международным валютным фондом, при том, что китайский юань не претендует занять место доллара в мировой финансовой системе. Напротив, Китай выступает за усиление роли СПЗ в качестве валюты международных расчетов, средства международных платежей и валюты номинации финансовых активов. Свое предложение китайская сторона обосновывает необходимостью преодоления дисбалансов мировой торговли, возникающих в связи с противоречиями, существующими в связи с национальной эмиссионной природой и международным использованием резервных валют. По мнению руководства Народного банка Китая, международная резервная валюта наподобие СПЗ в отличие от доллара могла бы функционировать независимо от юрисдикции отдельных стран².

Китай выступает за введение международной денежной единицы, пока, очевидно, слабо осознавая то, что подобный шаг может лишь укрепить положение стран золотого миллиарда, учитывая их текущие возможности по осуществлению контроля над глобальными финансовыми потоками. К тому же в случае дальнейшей интернационализации юаня и ослабления Китаем контроля над международным движением капитала, ТНК западных стран получают возможность выводить доходы, получаемые от реализации своей продукции на внутреннем рынке Китая, даже без необходимости конвертации юаня в свои собственные валюты. Как следствие, доля китайского ВВП, направляемая на цели национального развития, может сократиться еще значительно.

Цивилизационная специфика Китая. Следует подчеркнуть, что на протяжении тысячелетий Китай практиковал модель патриархального

¹ Андреев В. П. Юань на пути к мировой валюте. Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 4–5.

² Xiaochuan Z. Reform the International Monetary System. The People's Bank of China. Speeches. March 23, 2009. (<http://www.pbc.gov.cn>).

деспотического государства «просвещенного абсолютизма» без фиксированного сословного деления общества. В традиционном Китае не существовало аналогов европейского дворянства или японских самураев, из которых вышла капиталистическая буржуазия. Китайская модель традиционно основывалась на верховенстве императорской власти и равенстве всех остальных подданных, независимо от их социального статуса. Только ближайшие родственники монарха и сыновья министров пользовались некоторыми преимуществами. Социальное самоутверждение индивида определялось не происхождением или богатством, а уровнем образованности и успехами продвижения по служебной лестнице. Весьма специфической является религиозная структура Китая. Божественная власть в Китае принадлежит Небу как верховному регулирующему и контролирующему началу, карающему недостойных и вознаграждающему добродетельных. Поэтому Китай именуется Поднебесной империей или «Срединным государством», тяготеющим к центру, т.е. к Чжунго, к китайскому властителю Поднебесной, сыну Неба¹. Мировоззренческий комплекс традиционного Китая на протяжении тысячелетий определялся двумя взаимодополняющими и взаимоуравновешивающими идеологическими моделями – конфуцианством и даосизмом. Их принципы, на протяжении веков формирующие китайскую цивилизационную специфику, имеют мало общего с принципами рыночного фундаментализма.

В конфуцианстве государству отводится центральное место во всех сферах жизни социума. Оно стремится к социальной гармонии. Общественные и земельные интересы противопоставляются частнособственническому и предпринимательскому; формы демократии, многопартийности и плюрализма отрицаются, как несопоставимые с конфуцианским учением. В свою очередь, даосизм осуждает богатство, роскошь, знатность, своеволие и жестокость правителей, насилие и войны, борьбу как таковую. В даосизме выдвигается теория «недеяния», согласно которой человек должен покорно следовать дао – природному ходу жизни, который предполагает, что мир находится в постоянном движении и изменении, что предметы и явления в своем развитии рано или поздно переходят в свою противоположность. Другими словами, в даосизме не приветствуются такие основополагающие понятия западной экономической модели, как конкурентная борьба, торговая экспансия, неэквивалентный обмен, а также активное вмешательство человека в естественный ход природных процес-

---

¹ Цивилизационная структура современного мира. В 3-х т. К.: Наукова думка. 2008. Т. 3: Цивилизации Востока в условиях глобализации. Книга II: Китайско-дальневосточный цивилизационный мир и африканская цивилизационная общность. С. 25–27.

сов с целью их подчинения расширяющимся экономическим потребностям социума.

С открытием Китая для мировой экономики строгое следование нормам традиционных китайских нравственно-политических концепций отошло на второй план, тем не менее, продолжает оказывать существенное влияние на общественное и индивидуальное сознание. Характерно, что ментально и социально значительное число граждан КНР до сих пор находятся на уровне полуфеодального развития (700 млн крестьян), считая своей главной добродетелью полное и беспрекословное подчинение «монарху» (в данном случае ЦК КПК). В отличие от США и Великобритании, Китай не стремится к открытой экспансии своей собственной культуры. Высокодержавный статус Поднебесной, ставящий Китай над всем остальным миром, усложняет ассимиляцию китайцев с другими цивилизациями. После многолетнего проживания за рубежом и даже получения гражданства в других странах китайские иммигранты остаются «людьми государства Чжунго» или попросту «китайцами».

Однако, по мере усиления экономической мощи Китая, противоречие между системой социалистического планового хозяйства, декларируемой китайскими политиками, и системой капиталистической рыночной экономики англо-американского типа, реально практикуемой в Китае, будет усиливаться. Директор Центра исследований трансформации, интеграции и глобализации Г. Колодко (Польша) отмечает, что благодаря взаимодействию «невидимой руки рынка» и «видимой головы государства» Китай сумел обеспечить успешный мягкий переход от социалистического планового хозяйства к капиталистической рыночной экономике. «Правда, – пишет Г. Колодко, – в КНР по-прежнему этого не признают, а в последнее время, несмотря на нарастание множества конфликтов и противоречий, провозглашают тезис о построении «гармоничного общества», по намерениям все еще социалистического, но фактически уже рыночного»¹.

С учетом сказанного, полный переход полукоммунистического Китая к постпротестантскому капитализму может вызвать неразрешимое противоречие в построении гармоничного общества в Китае в соответствии с установками конфуцианской этики. В результате принятия модели рыночного фундаментализма баланс традиционных ценностей и основы стабильности в китайском обществе могут быть окончательно нарушены. Поэтому дальнейший путь мирного развития Китая видится прежде всего в сохранении собственной идентичности и территориальной целостности,

---

¹ Колодко Г. Великая трансформация. Могло ли быть лучше? Будет ли лучше? Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 4. С. 4.

национального самосознания и государственности, продвижении к социальной справедливости.

Современное участие Китая в освоении глобального экономического пространства является достаточно односторонним. Китайские зарубежные инвестиции сконцентрированы в основном в сфере природных ископаемых и в низкодоходных финансовых активах, номинированных в долларах США. Экспортная стратегия Китая заключается главным образом в мировом тиражировании запатентованной продукции западных ТНК. При этом последние не торопятся передавать Китаю свои передовые технологии.

Итак, превратившись в «мастерскую мира», Китай так и не стал ее полноценным хозяином, поскольку реальные рычаги по управлению глобальной экономикой остаются ему неподконтрольными. Российский экономист В. Иноземцев скептически относится к перспективам лидерства Китая в постиндустриальном обществе: «Я думаю, – пишет В. Иноземцев, – что в течение 10–15 лет мы увидим затухание экономического роста в этой стране и выход ее на некое экономическое плато, когда китайская экономика станет более крупной, чем американская, по объему, но мировым лидером с точки зрения каких-то инноваций, передовых социальных технологий Китай не делается»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что Китаю будет достаточно сложно в одиночку реализовывать собственную модель развития не только в планетарных масштабах, но и у себя дома. Ведь даже его ближайшее региональное окружение (Гонконг, Сингапур, Индия, Тайвань, Япония, Южная Корея) пропитано духом англосаксонского капитализма. Более того, китайская модель развития все более размывается по мере модернизации страны и ее включения в мирохозяйственные связи.

---

¹ Модернизация России в контексте глобализации. Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 92.